

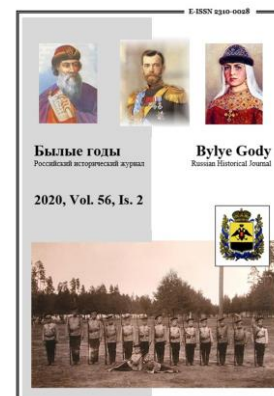
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 734-741. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.734
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Common Law in Household Domestic Life of Russian Old-Residents in Angara Region in the second part of XIX – the beginning of XX century

Boris E. Andusev ^{a,*}, Larisa J. Anisimova ^a, Denis N. Gergilev ^a, Evgeny A. Akhtamov ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article covers the problems of common law of peasant community in Siberia on the example of Yenisei province in the XIX – early XX centuries. The article based on the materials of State Archive of Krasnoyarsk Krai, namely, on the personal fund of the Soviet ethnographer Anton Aleksandrovich Savelyev. The fund contains a variety of materials, including verdicts of rural and volost gatherings, volost court, court proceedings.

The article emphasizes the problems of peasants' ownership of arable and mowing lands, a number of objects as a result of personal labor, compensation for material damage. The example of a trial between two hunters on the ownership of hunting prey is of interest. The authors came to the conclusion that the traditions of common law were based on a wide range of common legal, moral, religious and social beliefs. Legal regulation of the peasant communities in Yenisei region in the XIX – early XX centuries retained its complex matter. At the same time, the principle of equity was the basis for all evaluative, legal and regulatory ideas of peasants about common law. That principle was not declarative, but actually applicable as a tool for solving problems in a peasant community.

Keywords: Siberia, Yenisei, Angara, common law, peasant, traditional, justice, community, old-resident, volost court.

1. Введение

Процессы формирования современного российского правового государства неразрывно связаны с трансформациями общественного сознания. Взаимодействие новаций и традиций в ментальных оценках личности вполне адекватно отражают степень включенности или неприятия гражданами изменений в законодательстве. В исторической ретроспективе основной законопослушания было следование правовому обычаю. В нем находили отражение различные стороны общественного бытия: мораль, нормы взаимоотношений в семье и обществе, отношение к собственности и труду, межпоколенная социализация и др. Именно на уровне хозяйственно-бытовой повседневности в локальных обществах сохранялись нормы традиционного общежития как межпоколенные обычаи и «традиции предков». Ввиду того, что исконно законы государства вступали в конфликт «общего–частного», при разработке тех или иных законов важно учитывать степень взаимодействия их с обычно-правовыми аналогами. Это является условием принятия новшеств или, наоборот, правового «саботажа» с постоянными эксцессами и конфликтами с устоявшимися традициями. Поэтому не случайно мы видим незатухающее внимание к проблемам научного осмысления обычного права.

* Corresponding author

E-mail addresses: andjusev@yandex.ru (B.E. Andusev), severyanova@mail.ru (L.J. Anisimova), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov)

2. Материалы и методы

Материалы фонда № 739 Государственного архива Красноярского края охватывают различные аспекты жизни крестьянской общины. Это документально зафиксированные «приговоры» сельских и волостных сходов, волостного суда, записи судебных заседаний и копии-отпуска. Эти документы свидетельствуют о том, как в Приангарье происходило межевание земель, разрешение споров, вынесение наказаний за проступки, расчет повинностей, рассмотрение жалоб, прошений и др. Исследовательскому анализу могут быть подвергнуты формулировки просьб и обращений, решений схода и суда, описания обстоятельств дела, частные комментарии суда. При этом в решениях сельского суда историк отсылает к порядкам и обычаям, сложившимся в этой местности в ходе хозяйственной деятельности общины.

Наряду с архивными источниками, мы привлекли свидетельства современников, публикации периодической печати. Например, издания «Енисейские губернские ведомости» за 1890 г. и «Енисейский листок» за 1892 г. описывают ряд ситуаций в селениях губернии о «нарушениях законов местными крестьянами и обывателями» по причине следования «дедовским обычаям». Авторов данных публикаций удивляет набор способов достижения справедливости, называемых в публикациях «курьезными». В связи с этим наше исследование представляет как научный, так и практический интерес в плане понимания и восприятия сибирской правовой действительности последней четверти XIX в. Отсюда объектом исследования является хозяйственно-бытовая и социальная жизнь русских старожилов Енисейского Приангарья. Предмет исследования – обычное право в отдельных аспектах хозяйственно-бытовой и социальной повседневности сибирской (приангарской) деревни последней четверти XIX в.

В качестве основополагающего в работе использован микроисторический подход. Методологические подходы микроистории – «новой исторической науки» – позволяют изучить нюансы традиций локальных сообществ. Микроисторический подход использован нами в работе с источниками, рожденными в русских старожильческих селениях приангарской Пинчугской волости Енисейской губернии. Данный комплекс документов представлен в Государственном архиве Красноярского края личным фондом А.А. Савельева (ГАКК Ф. 739. Оп. 1. Ед. хр. 21). Видный советский этнограф Антон Александрович Савельев, в молодости будучи ссыльным, работал секретарем в Пинчугском волостном суде, собирал отписки судебных дел 1880–1890-х гг., делал записи в ходе судебных заседаний. Он досконально фиксировал нюансы местного судопроизводства, казусы, касающиеся противоречий между нормами законов Российской империи и местными традициями в формулировках: «так здесь принято», «согласно местным обычаям». Во многом именно жанр микроисторического подхода диктовал нам выбор предмета исследования, ограниченного локальными границами лишь одной волости, но доказательно экстраполируемого на все крестьянские «общества» Приенисейского Приангарья. Это определило также достаточно ограниченные хронологические (1880–1911 гг.) и территориальные границы исследования (селения Пинчугской волости).

3. Обсуждение

Вопросы традиций и обычаев в сибирской деревне были представлены в XIX – начале XX вв. в работах описательного характера М.Ф. Кривошапкина (Кривошапкин, 1865), Н.А. Кострова (Костров, 1876), А.П. Щапова (Щапов, 1874), Н.М. Ядринцева (Ядринцев, 1882), Г.Н. Потанина (Потанин, Потанина, 2014), Н.В. Латкина (Латкин, 1890), А.А. Макаренко (Макаренко, 1913), Д.Е. Лапшо (Лапшо, 1904), М.В. Красноженовой (Красноженова, 1924, 1937, 2002). Так, князь Н.А. Костров (Костров, 1876), описывая в своей работе юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии, представляет наиболее важные стороны жизни крестьян, которые регулировались на основе обычного права. Он отмечает существование обычного права во всех регионах Сибири, раскрывает области применения обычно-правовых норм и их локальные особенности.

Подлинное научное изучение обычного права началось во второй половине 1950-х – начале 1990-х гг. в контексте изучения традиций и обычаев сибирской крестьянской культуры. Наиболее значимыми мы считаем работы Л.М. Сабуровой (Сабурова, 1967), М.М. Громько (Громько, 1975, 1986, 1991), Н.А. Миненко (Миненко, 1989, 1991), В.А. Зверева (Зверев, 1993).

Современная историография обычного права достаточно вариативна. В последние годы прошли международные конгрессы и конференции по обычному праву, защищаются диссертации, выходят монографии и статьи в научных изданиях. Однако есть определенная недооценка роли крестьянского правового творчества в упорядочении материальных, социальных, культурно-бытовых аспектов жизни в социуме. По-прежнему особенности традиционного права остаются недостаточно изученными в отдельных локальных сообществах, в том числе и в Приенисейской Сибири.

4. Результаты

Одним из древнейших источников права является правовой обычай. Как правило, правовые обычаи существовали в устной форме и отражали нормы поведения, естественным образом сложившиеся в обществе и носившие обязательный характер для всех членов общества. На селе

вплоть до XX в. многообразие субъектов обычного права было представлено такими категориями, как «общественное мнение», «сельский сход», «суд стариков», «семейный суд».

При этом в разных местностях традиции сильно отличались ввиду различных географических, климатических, хозяйственных, этнических, социальных особенностей. Правовая самобытность крестьянского населения как Сибири в целом, так и Приенисейского края в частности, наиболее полно проявилась в правилах поведения личности, поведения в семье, общине, межличностных отношениях в рамках крестьянского мира и в межобщинных отношениях. Общинная организация, воссозданная на сибирской земле, имела ярко выраженные местные особенности: по свидетельству большинства исследователей, она отличалась выраженной семейно-личностной индивидуальностью.

Регулировать и связывать воедино сложный конгломерат прав, обязанностей, притязаний и ограничений могли только нормы обычного права, основанные на традиции, авторитете предков, мнению уважаемых «стариков». Постепенное накопление опыта согласования всех без исключения компонентов единой социоэкосистемы своей «общинной ойкумены» создавало подлинное «народное право» как воплощение смутно отрефлексированных крестьянских представлений об общественном правопорядке. Адаптация древнего славянского обычного права в локальном варианте выражалась как в «выбраковке» неактуальных норм, так и выработке новаций, закреплявшихся в традициях. Обычно-правовые традиции были представлены в виде повторяющихся правил поведения, разрешающих большую часть ситуаций, возникающих в повседневной жизни. Во взаимосвязи традиций с рациональными представлениями и жизненным опытом крестьян воспроизводилась трудовая деятельность и этика хозяйственной жизни. Историк Н.А. Миненко отмечает: «В хозяйственной деятельности сибирский крестьянин ориентировался на тот комплекс традиций и правил земледелия, который был выработан предшествующими поколениями» (Миненко, 1991: 51).

Хозяйственно-бытовая повседневность русских сибиряков была основана на древней земледельческой культуре русского народа, адаптированной к местным условиям. Первичность «завещанных отцами» традиций находила отражение при освоении пашни, в поземельных отношениях, имущественных спорах, порядке возмещения ущерба. В приангарской крестьянской общине вплоть до конца XIX – начала XX вв. практически вся сфера землепользования регулировалась согласно «дедовским» традициям.

В документах фонда А.А. Савельева, касающихся решения спорных ситуаций, постоянно фигурируют приоритеты права «первой борозды» сохой, «первого закоса» косой на покосе, «первой затеси» топором на лесной деляне. Так, в савельевской подборке решений волостного суда мы находим разрешение следующей ситуации: истец, крестьянин деревни Иркинеева, в ходе судебного разбирательства показал, что ответчик из той же деревни пользуется 3/4 десятины сенокоса, принадлежащему по обычному праву ему, а не ответчику. Истец обосновывал свое право на землю на основании того, что эта земля была расчищена его ныне покойным дядей М.Л. Поэтому истец просит упомянутую землю отобрать у ответчика и вернуть ему. Волостной суд постановил: 3/4 сенокосной расчищенной земли отобрать у ответчика и вернуть истцу. При этом 1/4 земли остается у ответчика в качестве компенсации за труд по «улучшению» покосной земли в период пользования им (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 35).

Вспашка незанятой земли, «очерчивание» плугом вдоль границ участка или оставление меток на деревьях назывались чертежом. В Сибири таким образом крестьянин всегда мог получить землю в фактическую собственность: найти свободную землю на лесной опушке, опахать ее сохой, обрабатывать и закрепить за собой в виде пашни или заимки. Повторим, что главным условием было «очерчивание» сохой или плугом по периметру самовольно захватной заимочной пашни и приобретение таким образом права собственности, согласно традициям обычного права (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 49). Если право первого «чертежа» не срабатывало в спорных ситуациях или не было доказательства первенства, то поступали разумно – делили поровну участок между истцом и ответчиком и «разводили спорящих межой». Так поступили 15 июня 1890 г. с крестьянином-истцом деревни Иркинеева С.Ф.С. и ответчиком Г.И.Л. Истец показал, что ответчик самовольно пользуется его территориями. В ходе разбирательства стало ясно, что границы двух участков смежные, выяснить, чьи чертежи старше – истца или ответчика – не представлялось возможным. И ни один из общественников не смог этого показать. На суде, по мнению одного из общественников, это можно было установить миролюбивым соглашением, но стороны отказались. В результате суд постановил разделить участок с «чертежами» пополам. Чтобы в дальнейшем по этим землям не возникали спорные ситуации, между чертежами по местному обычаю были поставлены межи (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 11).

Конфликты среди общинников возникали в ходе распашки новых земель. Так, общинник по невнимательности или сознательно мог не заметить имевшийся чертеж или провести борозду по не паханному несколько лет участку. Выход из подобной ситуации находили в свидетельствах «стариков». Так, в деревне Зайцевой между крестьянами возник конфликт по поводу принадлежности покосной земли. Волостным судом был проведен опрос свидетелей, который показал, что ответчик расчищал под покос часть спорной земли. Затем эта земля вместе с близлежащими участками была расчищена истцом. В результате суд вынес решение о том, что

ответчик должен получить половину спорной земли по праву первого чертежа. Чтобы компенсировать труд истца по расчистке земли, ответчик должен был отдать ему 10 копен сена (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 11).

«Захватный» принцип содержит в себе выраженную состязательность, право «первенства» в ходе приобретения собственности. Примером этого служит дело, в котором выступают истцы – крестьяне села Чадобского – и ответчик – крестьянин деревни Заледьеевской. «Истцы показали, что летом сего года нашли землю, удобную для сенокоса в 3/4 десятины, скосили сено, убрав валежник и поросль. Но ответчик вскоре занял его и очертил. Ввиду того, что принцип первого освоения и вложенного труда был, согласно местным традициям, соблюден, волостной суд постановил удовлетворить требование истцов (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 49).

Интересно то, что захватный принцип применялся не только в отношении пользования и владения землей, но и в отношении других объектов собственности. Так, в деревне Бузыккановой возник конфликт о праве владения добытой лисицей. Крестьянин М.Ф. первый заметил лисицу, но его опередил крестьянин И.К. Ответчик М.Ф. просил суд о компенсации в размере половинной стоимости шкуры добытой лисицы. Однако суд, следуя обычаю, взыскал с истца третью часть стоимости шкуры – 1 рубль 13 копеек (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 130).

Согласно обычаям, «захватное» право собственности могло сложиться также на иной объект вложения личного труда: лесную дорогу, мост через ручей, паромную переправу, речную «запруду». Так, в ходе разбирательства, касающегося права владения лесной дорогой и сохатиной ямой, стало ясно, что дорога изначально была проложена тунгусами, а истец и ответчик заняли ее одновременно. Право истца на лесную дорогу не было подтверждено. Волостной суд решил дорогу признать общей, а сохатиную яму – раскрыть (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 60).

Идущие «из старины» нормы обычного права достаточно прагматично оценивали в спорной ситуации прежде всего «трудовое участие», «трудовые усилия» конфликтующих крестьян. Именно труд, вложенный в освоение пашни, был основным мерилем решения. При этом равное трудовое участие неизменно определяло справедливое решение о равных долях спорящих. Так, в споре истца, крестьянина деревни Горохтинская А.М.К., и ответчика Е.Ф.К. было заявлено, что последний неправильно пользуется 1/16 десятины земли, принадлежащей истцу. Однако привлечение показаний самых «древних» стариков показало, что еще родители их, а затем и они вместе расчищали, расширяли и расчерчивали. Отсюда, посчитав, что они «в согласии много лет равно вкладывались трудом», суд постановил разделить землю пополам. Достигнуто миролюбивое согласие» (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 33).

Любопытно, что в конце XIX века крестьяне Приангарья стали использовать железные плуги, однако опахивание (т.е. чертеж) целинной пашни выполнялось строго русской сохой. Как и ряд других предметов культуры, русская соха ассоциировалась с традиционными заветами предков, не поддающимися ревизии.

Обычными решениями по спорным делам, рассматриваемым Пинчугским волостным судом, были требования в поддержку истца о возмещении ущерба в полном стоимостном соответствии с убытками по вине ответчика.

Так, например, в деревне Каменская между истцом И.Т. и ответчиком С.Н.Т. возник спор о скошенной траве: ответчик неумышленно скосил траву на поле истца на сумму 40 копеек. Ответчик свою вину признал, но возместить ущерб отказался. Волостной суд решил, что истец в свою очередь может скосить траву на поле ответчика также на сумму 40 копеек. Могло быть и иное решение о несогласии суда с суммой возмещения ущерба истцу, если выявлялся иной размер убытков или скрытые истцом обстоятельства. Например, в ситуации, когда крестьянин-истец из села Рыбное заявил, что лошадьми ответчика потравлено хлеба около 18 пудов и просил взыскать столько же в свою пользу. Ответчик же, проведя собственные вычисления, доказывал, иск должен быть «исчислен» не более чем в 14,5 пудов ввиду «глинистости» земли на потравленной части пашни. Приглашенные на суд старики признали аргумент ответчика, и поэтому волостной суд постановил взыскать с ответчика в пользу истца 15 пудов овса, что и было исполнено (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 37).

В судебных делах фигурирует и древняя традиция оценки стоимости ущерба в единицах вложенного труда. Так, например, в ходе судебного заседания истец, крестьянин деревни Гонькиной, заявил, что ответчик «поехал на заимку и по неосторожности сжег «ригу», принадлежащую им обоим. В ответ на просьбу принудить ответчика заплатить за постройку новой риги для дальнейшего совместного использования волостной суд постановил обязать ответчика собственноручно выстроить новую ригу с тем, чтобы истец ею пользовался на равных основаниях с ответчиком (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 47). В савельевских выписках судебных решений присутствует и такая форма возмещения ущерба, как отработка определенного времени на пашне, покосе или непосредственно в хозяйстве потерпевшего.

Согласно правилам волостного судопроизводства, адекватное возмещение точной суммы ущерба «было должно произвести» только после тщательного независимого расследования и проверки искового заявления. Так, в Пинчугский волостной суд поступила жалоба от крестьянина с иском требованием. На суде истец представил претензии к ответчику-односельчанину в потраве

овса его лошадьми «в количестве 17 пудов». Однако проведенное расследование выявило, что потравлено было 12 пудов овса. Волостным судом истцу было высказано «общественное порицание за обман» с постановлением изыскать с ответчика лишь 12 пудов в пользу истца (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 22). Второй случай связан с выявлением в ходе следствия виновника и истинных причин нанесения ущерба истцу. Крестьянин села Петропавловского М.К. показал, что неизвестные лошади ночью потравили у него ярицу приблизительно на 4 пуда, и просил разыскать виновника. Расследование не смогло установить владельца лошадей, но выяснило, что лошади прошли через огород его соседа А.Т. Прошли свободно по причине того, что прясло (городьба) его огорода была в неисправном состоянии. Крестьянин А.Т. был признан судом и виновным, и ответчиком. На месте расследования А.Т. подтвердил свою вину. Суд постановил 4 пуда ярицы взыскать с него как с виновника в пользу истца (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 11). Другие дела также свидетельствуют о педантичности предписаний волостного суда. Непременным условием было соблюдение точной и мельчайшей дробной оценки ущерба.

Одновременно источники фонда А.А. Савельева свидетельствуют о вполне выраженном конфликте между статьями Свода Законов Российской империи и неписанными положениями обычного права в Приангарской Сибири. В чем же состояли причины этого явления?

Согласно законам Российской империи, общинная земельная собственность основывалась на праве совместного владения и использования. Вплоть до начала XX в. нормативные акты Российской империи в целом закрепляли идею о трудовом пользовании общинной землей крестьянами. В общине Европейской России данные положения не противоречили нормам обычного права в повседневной практике. Как члены общины, как домохозяева, крестьяне получали законные земельные наделы. Право общины как собственника в Европейской России выражалось и в периодических переделах земли, в мелочных контрольных функциях.

В Сибири проблема несоответствия хозяйственных условий юридическим реалиям было в неадекватности Законам Российской империи. Сибирская община имела «по законам» права пользователя землей; крестьяне – собственника «по обычаям и традициям». Старожильческая община в сравнении с «российской» отличалась практикой «захватной земли» и наличия заимки, правом свободного приема в общину переселенцев, правом лично-подворной собственности на все виды земельных участков. Локально адаптированные нормы сибирского обычного права закрепляли за домохозяином все параметры собственности на землю: площадь пашни и покосов, местоположение, границы («чертеж»), свободу ведения индивидуального севооборота. Далеко не случайно, что в многочисленных отпусках судебных документов А.А. Савельева из года в год фигурируют острые земельные конфликты, тяжбы, споры, земельные захваты, нарушения границ и др. Если в ментальности русских крестьян не было лично-собственнического позиционирования земли, то в сознании сибирских старожилов оно было таковым.

Согласно законам, российские крестьяне не имели права отчуждения общинных земель в личную собственность, однако в Приангарье бытовал ряд форм обычно-правового признания за крестьянами «захватной» пашни» (заимка и займище). Наличие личной родовой или семейной расчищенной покосной земли, «своей» пашни, сдаваемой в аренду другому хозяину, «согласно местным обычаям». Пашенную и покосную землю крестьяне-старожилы свободно передавали по наследству, сдавали в аренду и даже продавали сообщинникам или «новожилам» своего селения. В источниках фонда А.А. Савельева мы находим подтверждение выводам этнографов о том, что в Приангарье за каждым крестьянином была закреплена земля, которую он считал своей собственностью и мог свободно продавать, закладывать, а также дарить ее (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 20. Л. 132). Согласно подворным ответам «Пообщинного бланка по д. Сыромолотово Кежемской волости», у старожилов отсутствовали ограничения размеров земельных владений вплоть до конца XIX в.: «скуль земли надо, скуль и можешь разчертить» (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 20. Л. 34-36).

Наряду с земельно-правовыми обычаями, ангарские традиции были основаны на древних правилах талиона – назначение меры наказания за преступление в равной степени воспроизводит вред, причиненный преступлением. Согласно этим принципам, за нанесенный ущерб требуется равное возмещение понесенного ущерба в единицах измерения самого ущерба.

Изучение источников фонда А.А. Савельева, собранного за многие годы полевых исследований эмпирического материала позволяет нам сделать вывод о представлениях старожилов о сути права владения и распоряжения землей. Крестьянское сознание рассматривает право на владение, пользование и распоряжение землей неразрывно от труда по расчистке, обработке, «окультуриванию» пашни или покоса. Так называемая «продажа земли» в сибирской общине – это продажа вложенного труда, но не земли (она «Божья»). Таким образом, труд давал право крестьянину как на владение землей, так и на общественное признание этого права в судебных решениях.

В качестве наиболее значимой оценочной категории в решении спорных дел не только о праве собственности, но и даже оценок личных качеств человека в материалах судебных решений Пинчугского волостного суда выступает труд. Ценность личности и общественная оценка у сибирских старожилов определялась оценками крестьянского труда и трудолюбия. При этом наиболее

значимым и почетным признавался труд земледельца. Так, в деле о праве на наследство выборные в 1874 г. вынесли решение передать наследство сыну К., который трудом заслужил право называться достойным домохозяином. Его же братья М. и П. «шлялись по разным селениям, как бездомные» (ГАКК. Ф. 793. Оп.1. Д. 21. Л. 51).

Обычное право не только служило целям регулирования различных вопросов, связанных со сферой материальной культуры, с землепашеством или собственностью. В источниках обширного фонда А.А. Савельева мы видим множество документов, предписывающих крестьянам придерживаться тех или иных правил и традиций, «завещанных предками». Думается, что их нарушение также могло негативно сказаться на положении крестьянина в общине и отношении к нему односельчан.

На рубеже XIX – начала XX вв. в решениях Пинчугского волостного суда отразилось распространение рыночных отношений среди старожилов, в обиходе начинают закрепляться понятия купли-продажи земли. В подтверждение этого А.А. Савельев приводит дело крестьян деревни Заимской. Истец И.К.С. обвинил ответчика В.А.С. в том, что он забрал у него участок покосной земли, хотя ранее этот участок был приобретен отцом истца у ответчика. Волостной суд постановил, что ответчик должен вернуть землю истцу (ГАКК. Ф. 793. Оп.1. Д. 21. Л. 39). Таким образом, происходило постепенное смещение старинных норм обычного права на равное возмещение труда и собственности со сложными расчетами условий купли-продажи земли в новых рыночных отношениях. Решения общинных судов начинают подкрепляться подробными денежными расчетами. Так, сохранилось свидетельство о споре между жителем села Чадобского истцом В.К. и жителями деревни Мадуйской ответчиками Д. и З.П. Крестьяне приобрели 16-й пай на владение мельницей у компаньона ответчиков Я.П. из деревни Мадуйской. Несмотря на то, что истец имел право пользоваться мельницей один раз в 16 дней, ему в таком праве было отказано. Ответчики не смогли опровергнуть доводы истца, и, согласно старым правилам, ему был предоставлен пай (ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 69).

В более жестких условиях оформления денежных сделок с выдачей расписок, справок и «купчих» продолжают сохраняться и воспроизводиться старинные правила и обычаи оформления сделок с «запитием сделки вином» и обязательным «рукобитием» ее участников.

Таким образом, вводимые в научный оборот источники фонда А.А. Савельева доказывают, что в спорных ситуациях о нарушении права личной собственности на землю или имущество волостные суды предпочитали обращаться к нормам обычного права. Личное благополучие старожила-домохозяина, его зажиточность, возможность дружно жить в соседстве с другими членами общины базировались на принципах солидарности труда, следовании общепринятым нормам уклада жизни («жить путем как должно быть, как старики велели»). Почитание своих местных правовых обычаев также было частью нерушимости устоев крестьянского «общества».

Антон Александрович Савельев был проникновенным этнографом, наблюдавшим и фиксировавшим в трудовой повседневности жизни крестьян Пинчугской волости нормы обычного права, которые являлись условиями функционирования материальной культуры, нормами-регуляторами предписывающего типа «как должно быть, как старики велели».

5. Заключение

Повседневное поведение приангарских старожилов Пинчугской волости было нормировано как предписанием Свода Законов Российской империи, так и старинными «дедовскими» традициями. Они охранялись общественным мнением, «совестью» селений в лице представителей старшего поколения («стариками»). В основе традиций был широкий комплекс обычно-правовых, морально-нравственных, религиозных и социальных представлений. Правовая регламентация на территории Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. сохраняла свое сложноструктурированное содержание.

Проводя исследование состояния обычного права в среде крестьян Пинчугской волости Енисейской губернии на основе методологических подходов микроистории, мы одновременно эмпирически проживали в бытовой и трудовой повседневности. Мы видим, что в основе всех оценочно-правовых и регуляторных представлений крестьян об обычном праве лежит принцип справедливости не декларативный, а реально применимый в качестве инструмента решения проблем в общине. Наше исследование, по сути, лишь первоначальное знакомство с творческим наследием известного краеведа-этнографа А.А. Савельева, зафиксированным в источниках его личного фонда Государственного архива Красноярского края.

Литература

Александров, 1964 – Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. // Енисейский край. М., 1964. 303 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Гергилев, 2017 – Гергилев Д.Н. Отличительные черты деятельности губернских администраций в Сибири в XIX – начале XX вв. Клио. 2017. № 8 (128). С. 114-117.

Громыко, 1991 – Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. 269 с.

- Громько, 1986** – Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. 274 с.
- Громько, 1975** – Громько М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1975. 351 с.
- Зверев, 1993** – Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Н-ск: Изд-во НГПИ, 1993. 244 с.
- Красноженова, 1924** – Красноженова М.В. Сибирская старина: этнографический сборник. Вып. 2 / Под ред. М.К. Азадовского и Г.С. Виноградова. Иркутск, 1924. С. 21–37.
- Костров, 1876** – Костров Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии / Сост. князь Н. Костров. Томск, 1876. 117 с.
- Кривошапкин, 1865** – Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь / Соч. М.Ф. Кривошапкина. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1865. 650 с.
- Лаппо, 1904** – Лаппо Д.Е. Общественное управление минусинских инородцев. Томск. 1904. 70 с.
- Латкин, 1890** – Латкин Н.В. Красноярский округ Енисейской губернии: Очерк Н.В. Латкина, чл. Имп. Рус. геогр. о-ва. Санкт-Петербург: типография и литография В.А. Тиханова, 1890. 75 с.
- Макаренко, 1913** – Макаренко А.А. Сибирский народный календарь // Записки Русского географического общества по отделению этнографии / Под ред. почетн. чл. И.Р.Г.О. А.С. Ермолова. Т. XXXVI. Спб., 1913. 293 с.
- Миненко, 1991** – Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX вв. М., 1991. 222 с.
- Потанин, Потанина, 2014** – Потанин Г.Н., Потанина А.В. Сибирь. Монголия. Китай. Тибет. Путешествия длиною в жизнь. М.: Эксмо, 2014. 464 с.
- Сабурова, 1967** – Сабурова Л.М. Быт и культура русского населения Приангарья (конец XIX – XX вв.). Л., 1967. 280 с.
- Щапов, 1874** – Щапов А.П. Сибирское общество до Сперанского. Изв. Сиб. отд. русс. геогр. о-ва: 1874. Т. V. 35 с.
- Ядринцев, 1882** – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. 471 с.
- Forsyth, 1998** – Forsyth J. A history of the peoples of Siberia. Cambridge University Press. 1998. 417 p.
- Hartley, 2014** – Hartley J.M. Siberia: A History of the People. Yale University Press, 2014. 312 p.
- Kuentzel-Witt, 2015** – Kuentzel-Witt K. Janet M. Hartley. Siberia: A History of the People // *European History Quarterly*. 2015. Vol. 45, Is. 3. Pp. 559–561.

References

- Aleksandrov, 1964** – Aleksandrov V.A. (1964) Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII vv. [Russian settlement in Siberia XVII – the beginning XVIII centuries]. Yenisei region. M., 1964. 303 p. [in Russian]
- Forsyth, 1998** – Forsyth J. (1998) A history of Siberian people. Cambridge University Press. 417 p.
- ГАКК** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State archive of Krasnoyarsk Krai].
- Gergilev, 2017** – Gergilev D.N. (2017) Otlichitel'nye cherty deyatelnosti gubernskikh administratsii v Sibiri v XIX-nachale XX vv. [The essential features of province authority in Siberia in XIX – the beginning of XX centuries]. *Klio*. № 8 (128). Pp. 114–117. [in Russian]
- Gromyko, 1975** – Gromyko M.M. (1975). Trudov traditsii krest'yan Sibiri [Work traditions of Russian peasants in Siberia]. Novosibirsk. 351 p. [in Russian]
- Gromyko, 1986** – Gromyko M.M. (1986). Traditsionnye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krest'yan [Traditional behavior standarts and ways of teaching of Russian peasants]. M. 274 p. [in Russian]
- Gromyko, 1991** – Gromyko M.M. (1991). Mir russkoi derevni [The World of Russian Village]. M. 269 p. [in Russian]
- Hartley, 2014** – Hartley J.M. (2014). Siberia: A History of the People. Yale University Press. 312 p.
- Kostrov, 1876** – Kostrov N.A. (1876). Yuridicheskie obychai krest'yan-starozhilov Tomskoi gubernii [Legal customs of old-time peasants of the Tomsk province]. N. Kostrov. Tomsk province Print House. 117 p. [in Russian]
- Krasnozhenova, 1924** – Krasnozhenova M.V. (1924). Sibirskaya starina: etnograficheskii sbornik [Siberian antiquity: ethnographic collection]. Vol. 2. Edited by M.K. Azadovskii and G.S. Vinogradov. Irkutsk. Pp. 21–37. [in Russian]
- Krivoshapkin, 1865** – Krivoshapkin M.F. (1865). Eniseiskii okrug i ego zhizn' [Yenisei okrug and its life]. Pr. Imp. rus. geogr. soc. SPb.: Pr. house V. Bezobrazova and Co. 650 p. [in Russian]
- Kuentzel-Witt, 2015** – Kuentzel-Witt K. (2015). Janet M. Hartley. Siberia: A History of the People. *European History Quarterly*. Vol. 45, Is. 3. Pp. 559–561.
- Лаппо, 1904** – Лаппо Д.Е. (1904). Upravlenie minusinskikh inorodtsev [Administration of Minusinsk inhabitants]. Tomsk. 70p. [in Russian]

Latkin, 1890 – *Latkin N.V.* (1890). Krasnoyarskii okrug Eniseiskoi gubernii : Ocherk N.V. Latkina [Krasnoyarsk district of the Yenisei province: the N.V. Latkin essay]. SPb.: Print House of V.A. Tikhanova. 75 p. [in Russian]

Makarenko, 1913 – *Makarenko A.A.* (1913). Sibirskii narodnyi kalendar' [Siberian folk calendar]. Notes of Russian geographic society. Ethnology. Edited by A.S. Ermolov. T. XXXVI. Spb. 293 p. [in Russian]

Minenko, 1991 – *Minenko N.A.* (1991). Kul'tura russkikh krest'yan Zaural'ya. [The culture of Russian Ural peasants]. M. 222 p. [in Russian]

Potanin, Potanina, 2014 – *Potanin G.N., Potanina A.V.* (2014). Sibir'. Mongoliya. Kitai. Tibet. Puteshestviya dlinoyu v zhizn' [Siberia. Mongolia. China. Tibet. Life-long travel]. M. Print House Eksmo. 464 p. [in Russian]

Saburova, 1967 – *Saburova L.M.* (1967). Byt i kul'tura russkogo naseleniya Priangar'ya [Life and culture of the Russian population in Angara region]. Leningrad. 280 p. [in Russian]

Shchapov, 1874 – *Shchapov A.P.* (1874). Sibirskoe obshchestvo do Speranskogo [Siberian society before Speransky]. Proc. of RGS. T. V. 35 p. [in Russian]

Yadrintsev, 1882 – *Yadrintsev N.M.* (1882). Sibir' kak koloniya. [Siberia as a colony] SPb, 471 p. [in Russian]

Zverev, 1993 – *Zverev V.A.* (1993) Deti – ottsam zamena: vosproizvodstvo naseleniya Sibiri [Children – replacement of the fathers: reproduction of the population of Siberia] (1861-1917 gg.). Novosibirsk. 244 p. [in Russian]

Обычное право в хозяйственно-бытовой повседневности социума русских старожилов Приангарья второй половины XIX – начала XX вв.

Борис Ермолаевич Андюсев ^{a, *}, Лариса Юльевна Анисимова ^a, Денис Николаевич Гергилев ^a, Евгений Александрович Ахтамов ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы обычного права крестьянской общины в Сибири на примере Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX вв. Статья основана на материалах Государственного архива Красноярского края, а именно – личного фонда советского этнографа Антона Александровича Савельева, содержащего разнообразные материалы, в том числе приговоры сельских и волостных сходов, волостного суда, материалы судебных заседаний. Микроисторический подход, использованный в статье в качестве основополагающего, позволяет на конкретных примерах увидеть особенности правового самосознания сибиряков – жителей русских старожильческих селений приангарской Пинчугской волости Енисейской губернии.

Значительное внимание в статье уделено вопросам определения права собственности крестьян на пахотную и покосную земли, различные объекты вложения личного труда, возмещения материального ущерба, который понесли крестьянские хозяйства от умышленных или неумышленных действий жителей общины. Интерес представляет пример судебного разбирательства между двумя охотниками по определению права собственности на охотничью добычу. Стоит отметить, что развивающиеся капиталистические отношения оказывали влияние на порядок разрешения споров, делали его более детализированным.

Авторы приходят к выводу о том, что в основе традиций обычного права лежал широкий комплекс обычно-правовых, морально-нравственных, религиозных и социальных представлений. Правовая регламентация на территории Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. сохраняла свое сложноструктурированное содержание. При этом в основе всех оценочно-правовых и регуляторных представлений крестьян об обычном праве лежал принцип справедливости, причем не декларативный, а реально применимый в качестве инструмента решения проблем в общине.

Ключевые слова: Сибирь, Енисей, Ангара, обычное право, крестьянин, традиционный, справедливость, община, старожил, волостной суд.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andjusev@yandex.ru (Б.Е. Андюсев), severyanova@mail.ru (Л.Ю. Анисимова), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов)